

2. Общество разрушенных структур

Насильственная коллективизация и ускоренная индустриализация вызвали в стране огромную миграционную активность и высокую степень социальной мобильности (как восходящей, так и нисходящей). На какое-то время советское общество превратилось в гигантский «табор кочевников», стало «обществом зыбучих песков». В деревне общественные структуры и традиционный уклад были полностью уничтожены. Одновременно оформлялось молодое городское население, представленное бурно растущим рабочим классом, почти полностью состоящим из уклоняющихся от коллективизации вчерашних крестьян, новой технической интеллигенцией, сформированной из рабочих и крестьян — выдвиженцев, бурно разросшейся бюрократической прослойкой, состоящей из мелких служащих, и, наконец, властными структурами с еще довольно хрупкой, не сложившейся иерархией чинов, привилегий и высоких должностей. Социальное преуспевание одних сопровождалось смещением других, становившихся «чуждыми элементами» и отправлявших в ГУЛАГ для увеличения численности его населения (еще одна из форм миграции).

Первая миграционная волна в 30-е гг. была связана с массовым переселением крестьян в города. С 1926 по 1939 г. городское население увеличилось на 30 млн. человек, из которых 23, а возможно, и 25 млн. были крестьянами, ушедшими из деревни с началом коллективизации. В годы первой пятилетки приток переселенцев только в Московскую и Ленинградскую области составил по 3,5 млн. человек в каждую. Рост молодых промышленных центров был еще значительнее: население Днепропетровска и Сталино (нынешний Донецк) на Украине, Челябинска и Свердловска на Урале, Новосибирска и Кузнецка в Сибири увеличилось за несколько лет в пять-шесть раз.

Чрезмерный, хаотичный, непланируемый рост городов привел к тому, что и без того сложная жилищная проблема приобрела масштабы катастрофы (в Москве, например, количество квадратных метров жилья на одного человека снизилось с шести в 1928 г. до четырех в 1939 г.). Последствия этого были настолько глубоки, что дают знать о себе еще и сегодня, а решение проблемы в ближайшем будущем не представляется возможным. Сложившаяся в городах ситуация неизбежно влекла за собой рост негативных явлений в обществе, лишенном своих корней и сильно травмированном постоянными «встрясками». Растущая напряженность в семейных отношениях порождала новую волну (первая волна пришлась на 20-е гг.) разводов, абортов и снижения уровня рождаемости. Окрестьянивание городов, и в первую очередь рабочего класса, приводило к снижению дисциплины труда, поломке техники и ин-

вентаря, росту хулиганства, алкоголизма и правонарушений, ухудшению качества выпускаемой продукции, текучести рабочей силы. Такая ситуация сохранялась до конца 30-х годов, пока руководство страны срочно не предприняло в конце 1938 г. целый ряд репрессивных мер, направленных против малейших нарушений дисциплины труда.

Начало было положено опубликованным 11 декабря 1938 г. в «Правде» письмом свердловского стахановца, который выражал в нем негодование по поводу «лодырей и симулянтов». Далее события развивались по сценарию, который стал классическим на долгие времена. Сразу же после публикации письма пресса запестрела статьями, авторы которых гневно осуждали падение дисциплины и клеймили позором прогульщиков (хотя на самом деле количество прогулов в 1938 г. значительно сократилось по сравнению с 1932 — 1933 гг.). 20 декабря было принято решение о введении трудовых книжек, выдававшихся рабочим и служащим и необходимых для предъявления при переходе на другую работу. Эти книжки были сродни тем, что нацисты ввели в 1935 г. в Германии. Постановлением от 8 января 1939 г. любое опоздание на работу более чем на 20 минут приравнялось к неоправданному отсутствию, а повторное опоздание вело к увольнению. 26 июня 1940 г. вышло новое постановление, предусматривавшее значительное увеличение длительности рабочего времени (семидневная рабочая неделя и восьмичасовой рабочий день вместо прежних шестидневной недели и семичасового рабочего дня). По этому постановлению любой случай неоправданного отсутствия на работе подлежал рассмотрению в народном суде, а нарушителя приговаривали к исправительным работам на рабочем месте сроком до шести месяцев, удерживая при этом до 25% заработка. Эти постановления действовали до 1956 г.

Усиление репрессивных мер сопровождалось изменением общественной роли профсоюзов, лишавшихся с этого времени полномочий, которыми они располагали во времена нэпа (активное участие в разработке коллективных договоров). Отныне роль полностью подчиненных государству профсоюзов сводилась к решению вопросов социального обеспечения и к контролю за соблюдением инструкций по увеличению производительности труда и соблюдению трудовой дисциплины. Одновременно расширялись полномочия руководителей предприятий. Они становились полными хозяевами предприятий, но, с другой стороны, их судьба полностью зависела от вышестоящих инстанций, так как они одни несли ответственность за невыполнение плана. А поскольку план, как правило, был заведомо невыполним, они вынуждены были ежедневно прибегать к незаконным действиям и к «преступным побряккам» по отношению к рабочим, которых не хватало.

Быстрый численный рост рабочего класса (за 10 лет втрое) в результате массового притока в город выходцев из деревни (потомственные рабочие презрительно называли их «деревенщиной») привел к еще большему разрушению и без того слабых внутренних связей внутри него. Происходило также глубокое социальное расслоение рабочего класса, вызванное изменениями в технологическом процессе и в еще большей степени зависимостью заработной платы от результатов, достигнутых в борьбе за подъем производительности труда. Оснащение предприятий новой техникой породило, с одной стороны, спрос на неквалифицированную рабочую силу, а с другой — привело к появлению новых, более узких специализаций внутри традиционных профессий, которые, таким образом, теряли свое значение. Подавляющее большинство рабочих, и без того слабоквалифицированных, не могли освоить новую технику и окончательно теряли квалификацию. К концу 30-х гг. 91% рабочих имели только начальное образование. Чтобы поднять производительность их труда, были увеличены ножницы между максимальным и минимальным уровнем зарплаты. Для этого почти повсеместно начала применяться сдельная оплата труда, получали распространение премии и всякого рода поощрения для тех, кто превышал нормы выработки, — ударников и стахановцев. В 1928 — 1931 гг. происходило интенсивное выдвижение наиболее заслуженных рабочих «от станка» на должности мастеров, техников и даже инженеров (практики), а также направление на учебу в высшие учебные заведения (выдвиженцы).

Огромное расслоение в среде рабочего класса (зарботки ударников в 8 — 10 раз превышали зарботки чернорабочих) неизбежно вело к увеличению напряженности в

отношениях между рабочими. Среди них отсутствовало взаимопонимание, что не позволяло им предпринимать какие-либо согласованные действия, направленные на изменение сильно ухудшившихся условий жизни. У большей части рабочих, которые не получили повышения или не стали ударниками и стахановцами, поводов для недовольства было более чем достаточно. Недовольство вызывало и увеличение норм выработки и продолжительности рабочего времени, и ухудшение жилищных условий, и уменьшение реальной заработной платы (за десять лет на 40%), и все возрастающее неравенство. На эти беды рабочие реагировали частой сменой рабочих мест и очень низким уровнем трудовой активности. «Текучка», несомненно, представляла одну из форм протеста и заменяла собой запрещенные забастовки.

Такое же положение создалось и в сельском хозяйстве. Колхозники, считая себя одуроченными, обируемыми и подневольными, выражали свой протест тем, что уклонялись от коллективного труда. Производство сельскохозяйственной продукции на протяжении 30-х гг. оставалось почти на одном уровне. В это же время часть урожая, отчуждаемая у крестьян в ходе хлебозаготовок, постоянно увеличивалась и составляла к концу десятилетия почти половину урожая. Расчет с колхозниками за поставленное таким образом государству зерно производился по ценам, которые на всем протяжении 30-х гг. (и даже до 1953 г.!) оставались почти неизменными, в то время как цены на промышленные товары выросли в 10 раз. Размер оплаты за работу на колхозных полях определялся количеством трудодней и зависел от размера колхозного дохода. Размер же дохода определялся той долей урожая, которая оставалась в колхозе после расчета с государством и с МТС. Доход, как правило, был весьма незначительным и совершенно недостаточным для обеспечения прожиточного минимума. В 1937 г. в благополучных колхозах норма выплаты достигала 5 ц зерна и приблизительно 100 руб. на взрослого человека в год, а в неблагополучных — только 2 ц зерна без каких-либо денежных выплат. Напомним, что в начале века прожиточный минимум на одного крестьянина составлял 2,5 ц зерна без учета продуктов животноводства.

Чтобы несколько поправить положение, в 1933 г. крестьянам было разрешено иметь небольшие приусадебные участки (площадью не более полугектара) и заниматься разведением мелкого скота. Эта уступка была слишком незначительна, чтобы удовлетворить потребности крестьян, но достаточной для того, чтобы позволить им более или менее обеспечить свои насущные нужды. В 1938 г. приусадебные участки, которые занимали только 3,9% всех посевных площадей, давали 45% всей сельскохозяйственной продукции. Эти участки приносили крестьянским хозяйствам более половины их зернового дохода, почти полностью обеспечивали их продуктами животноводства и овощами, давали от 70 до 85% денежного дохода за счет продажи некоторых «излишков» на колхозном рынке. Эти небольшие приусадебные хозяйства давали более 70% мяса и молока и около 45% шерсти, производимых в стране!

Становится совершенно ясно, почему колхозники уклонялись от коллективного труда. Колхозник чувствовал себя притесняемым вдвойне — и как потерявший всякую хозяйственную независимость производитель, и как гражданин второго сорта, лишенный гражданских прав, подвергаемый дискриминации и «военно-феодалной эксплуатации» (по выражению Бухарина, предугадавшего ее торжество в случае победы сталинской линии еще в 1928 г.). Колхозники вынуждены были выполнять также обязательные государственные трудовые повинности (строительство дорог, вырубка леса и т.д.), а начиная с 1937 г., после принятия 17 марта закона, запрещающего крестьянам покидать колхозы без подписанного администрацией трудового соглашения с будущим работодателем, они теряли право на передвижение. С юридической точки зрения колхозник, не имевший внутреннего паспорта, был привязан к колхозу так же, как когда-то крепостной к земле своего хозяина. Все ограничения распространялись и на членов семей колхозников, и если, например, дочь крестьянина выходила замуж за горожанина, то уехать к нему она могла не иначе, как получив от администрации колхоза право на отъезд — своеобразную «отпускную грамоту».

Несмотря на эти препятствия, миллионы наиболее предприимчивых и наиболее притесняемых крестьян уходили в город без разрешения. Тем самым они ставили себя вне закона, что делало их положение на рынке рабочей силы весьма уязвимым. Многие из них, постоянно перемещаясь с целью уклонения от «регистрации», в конце

концов попадали под арест за бродяжничество или за мелкие правонарушения и кончали лагерями.

Крестьяне, оставшиеся в колхозах, покорно устраивались на клочках приусадебной земли, позволявших им вести более или менее сносное существование, и замыкались в извечной подозрительности русского крестьянина по отношению к внешнему миру, городу, горожанам, к государству с его чиновниками, судьями, милицией.

Сталин и Жданов на XVIII съезде партии заявили, что советское общество после ликвидации в нем капиталистических элементов состоит из трех дружественных классов, не имеющих между собой антагонистических противоречий: рабочего класса, колхозного крестьянства и новой интеллигенции, сформированной из лучших рабочих и детей рабочих, из лучших колхозников и детей колхозников. Таким образом, как бы сама собой исчезла необходимость дискриминации интеллигенции. «Новая народная интеллигенция», поставившая партии около половины ее членов (44% в 1936—1939 гг., 70% в 1939 — 1941 гг.), стала элитарной общественной группой. По данным статистики, к этой общественной группе принадлежало в 1939 г. около 11 млн. человек. Ее элитарность, однако, была относительной. Несмотря на огромный рост числа студентов (170 тыс. в 1928 г. и 810 тыс. в 1940 г.), только около 2 млн. из них имели законченное высшее или среднее специальное образование. Основная масса «народной интеллигенции» была представлена неквалифицированными мелкими служащими и делопроизводителями — низшими чинами государственной бюрократии, представители которой, от колхозного счетовода до сотрудника НКВД, словно щупальца спрута, проникли во все сферы экономической и культурной жизни (в промышленности, например, число «служащих» с 1928 по 1939 г. возросло в восемь раз).

В составе «народной интеллигенции» выделялись две наиболее значительные группы: одна из них была представлена служащими из народнохозяйственного комплекса — техниками, инженерами, специалистами, управленцами, другая — освобожденными партийными работниками. Эти две группы оказались наиболее затронутыми в ходе чисток. Новые выдвиженцы получали, таким образом, еще более широкие возможности для роста. Из 170 тыс. студентов, получивших образование за годы первой пятилетки, 152 тыс. оказались к 1940 г. на высоких ответственных постах. Из 370 тыс. инженерно-технических работников, получивших образование в годы второй пятилетки, руководящие посты в 1940 г. занимали 266 тыс. Обновление партийного руководства также происходило очень быстро на всех его уровнях. Количество освобожденных партийных работников к концу 30-х годов перевалило за 100 тыс. Интенсивное назначение молодых специалистов, чаще всего инженерно-технических работников, на высокие народнохозяйственные и партийные посты было объектом усиленной политической пропаганды, стремящейся продемонстрировать жизнеспособность и силу общества, которое на самом деле задыхалось под страшным грузом беспрецедентных по размаху репрессий. В этой связи символическое значение приобрел опубликованный на первой странице «Правды» перечень назначений для 12520 выпускников вузов в 1937 г. — как раз в то время, когда проходил третий Московский процесс. Более 2 тыс. из них, «лучшие из лучших», почти все инженеры, назначались на высокие посты в министерствах, в системе народнохозяйственных и партийных органов. Этот бурный выход на сцену нового, брежневского поколения оправдывал (если в этом была еще необходимость) сталинские мероприятия по чистке и обновлению общества.

30-е гг. были периодом сильнейших социальных потрясений, спровоцированных и навязанных высшим руководством. Это десятилетие видело несколько волн «классовой войны», которые заканчивались, как правило, отторжением от общественного организма миллионов людей. Формы этого отторжения были самые разнообразные: от лишения гражданских прав, потери рабочего места, отстранения от должности до ссылки, тюрьмы, лагерей или «высшей меры социальной защиты» — смертной казни. Можно выделить три наиболее значительных волны этой «классовой войны».

Первая была связана с проведением коллективизации и ускоренной индустриализации. Она затронула в первую очередь кулаков, «ликвидированных как класс», а также значительное число середняков, отказывавшихся вступать в колхозы. Она в основном пришлась на 1928 — 1931 гг. По разным оценкам, в это время было выслаано из мест проживания от 250 тыс. до 1 млн. семей, а их имущество конфисковано.

Официальный срок ссылки чаще всего определялся пятью годами, но в действительности длился гораздо больше, поскольку ссылки после отбытия наказания практически не могли получить разрешения вернуться в свое село. Огромное число раскулаченных крестьян отбывало наказание на гигантских ударных стройках, где в качестве рабочей силы использовались и заключенные (Беломорско-Балтийский канал, на строительстве которого трудилось около 200 тыс. заключенных, канал им. Москвы, железная дорога Караганда — Балхаш, химический комбинат в Березняках, Куйбышевская ГЭС, новые города: Комсомольск-на-Амуре, Магадан, Норильск, Воркута и др.). Другие использовались в качестве рабочей силы там, где одновременно применялся свободный труд. В Магнитогорске, например, от 30 до 40% рабочих являлись приговоренными к переселению кулаками.

Но кулаки — не единственная жертва «антикапиталистической революции» начала 30-х гг. Сильным гонениям подверглось духовенство, прежде всего сельские священники (90% церквей было закрыто в 1929 — 1932 гг.), которые были признаны эксплуататорскими элементами и приговорены к высылке. Все те, кто в годы нэпа был занят в частном секторе, — мелкие торговцы, ремесленники, представители свободных профессий — или те, кого относили к классу «имущих» при старой власти, признавались «чуждыми, деклассированными, праздными элементами» и, как минимум, лишены гражданских прав (в 1932 г. «лишенцы» составили 3,5% общего числа избирателей, т.е. около 3 млн. человек). Лишение прав сопровождалось обычно другими дискриминационными мерами (потеря права на жилплощадь, медицинское обслуживание, продовольственные карточки). Полмиллиона мелких торговцев были признаны капиталистическими предпринимателями, несмотря на то что 98% из них не имели ни одного наемного рабочего. Их имущество также конфисковалось. Большая часть этих «нежелательных элементов» была выселена из городов и отправлена в ссылку как раз накануне введения внутренних паспортов и системы прописки (конец 1932 г.). Одной из сторон этой «классовой войны» было наступление на «буржуазную интеллигенцию», развернутое сразу после Шахтинского дела. Тысячи специалистов были уволены с работы и после суда над ними (а часто и без суда) отправлены в лагерь, где начали появляться так называемые шараги — специальные лагерные заведения, где ученые могли продолжать научные исследования.

Вторая волна особенно сильно затронула простых тружеников, рабочих и крестьян, которые не желали подчиняться суровым требованиям дисциплины в колхозах и на заводах. В промышленности она началась сразу же после того, как были ослаблены репрессии по отношению к специалистам. Кульминационный момент этой волны на заводах и стройках пришелся на 1939 — 1940 гг., когда правовые отношения на производстве стали регламентироваться чуть ли не уголовным законодательством. В деревне наиболее суровые времена пришлось на 1932 — 1933 гг., когда подверглись арестам десятки и даже сотни тысяч крестьян, обвиненных в разбазаривании народного богатства.

Третья волна прошла по народнохозяйственным, партийным, государственным, военным и научно-техническим кадрам и, в более широком смысле, по остаткам старой творческой интеллигенции. Дела этих новых «врагов» должны были рассматриваться в принципе на заседаниях отделений военной коллегии Верховного суда. Но большей части обвиняемых приговор выносили административные структуры — особые отделы НКВД. Обвинение выносилось по одному из многочисленных пунктов 58-й статьи Уголовного кодекса, где была представлена целая подборка контрреволюционных преступлений. Приговор обрекал осужденных на пять, десять, двадцать пять лет лагерного заключения, каждому десятому из арестованных в 1936 — 1938 гг. выносился смертный приговор.

В 1949 г. в Париже вышло исследование Д.Даллина и Б.Николаевского «Исправительные работы в Советской России», где впервые была предпринята попытка подсчета количества заключенных в лагерях в конце 30-х гг. С тех пор изданы десятки исторических или литературных трудов (самый известный из них — роман А.Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ»), в которых приводятся новые цифры. Отсутствие каких-либо достоверных статистических данных по уголовным делам, закрытый до сих пор доступ к архивам партии и НКВД вынуждают специалистов пользоваться свидетельствами бывших заключенных и бывших сотрудников НКВД, бежав-

ших на Запад. Используются также редкие доступные статистические источники (перепись 1939 г.), в которых есть данные о профессиональной занятости населения, о числе лиц, лишенных гражданских прав. Принимается во внимание и число вступивших в партию. Сопоставляя все эти данные, можно прийти к выводу, что цифры свидетельствуют о перерывах в росте населения. Если бы прирост населения постоянно происходил такими же темпами, что и в 20-е годы, то к 1939 г. население Советского Союза было бы на 10 млн. человек больше. Объяснения этого факта только одним снижением рождаемости явно недостаточно. Причина, очевидно, кроется в повышенной смертности, вызванной голодом 1932 г., и помещением большого количества людей в лагеря. Об этом же свидетельствуют и «лакуны» в данных, определяющих количество активного населения (у разных исследователей они колеблются от 3 до 7 млн. человек).

В конечном счете после сорока лет дискуссий количество заключенных в Советском Союзе в конце 30-х гг. по-прежнему определяется цифрами от 35 млн. человек (Н.Тимашев, Н.Ясный, А.Бергсон, С.Виткрофт) до 9 — 10 млн. человек (Д.Даллин, Р.Конквест, Н.Авторханов, С.Розфилд, А.Солженицын). Некоторые исследователи (Байков, Лоример, Изон) считают, что информация, доступная на сегодняшний день, лишает любые цифровые подсчеты всякого смысла.